

PONARS EURASIA
WORKING PAPER

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА КАК УЗБЕКИСТАНУ УДАЛОСЬ ТО, ЧТО НЕ УДАЛОСЬ НИ ОДНОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Владимир Попов

Советник Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН и почетный профессор Российской экономической школы (РЭШ)

Август 2013

Рабочие доклады программы ПОНАРС Евразия распространяются для получения авторами обратной связи, позволяющей улучшить их аргументацию и понять слабые места на предварительном этапе работы. Автор будет признателен за комментарии, направленные по адресу vpopov@nes.ru

PONARS Eurasia

● ● ● NEW APPROACHES TO RESEARCH AND SECURITY IN EURASIA

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

IERES • THE INSTITUTE FOR EUROPEAN, RUSSIAN AND EURASIAN STUDIES

PONARS Eurasia is a global network of social scientists that seeks to promote scholarly work and policy engagement on transnational and comparative topics within the Eurasian space. PONARS Eurasia is supported by Carnegie Corporation of New York and the John D. and Catherine T. MacArthur Foundation.

The statements made and views expressed are solely the responsibility of the author.

PONARS Eurasia
The Institute for European, Russian and Eurasian Studies (IERES)
Elliott School of International Affairs
George Washington University
1957 E Street, NW, Suite 412
Washington, DC 20052

Tel: (202) 994-6340
www.ponarseurasia.org

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА КАК УЗБЕКИСТАНУ УДАЛОСЬ ТО, ЧТО НЕ УДАЛОСЬ НИ ОДНОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ¹

Владимир Попов²

Фото: Железнодорожный вокзал в Ташкенте и высокоскоростной поезд «[Афросиаб](#)», курсирующий между Ташкентом и Самаркандом с 2011 года.

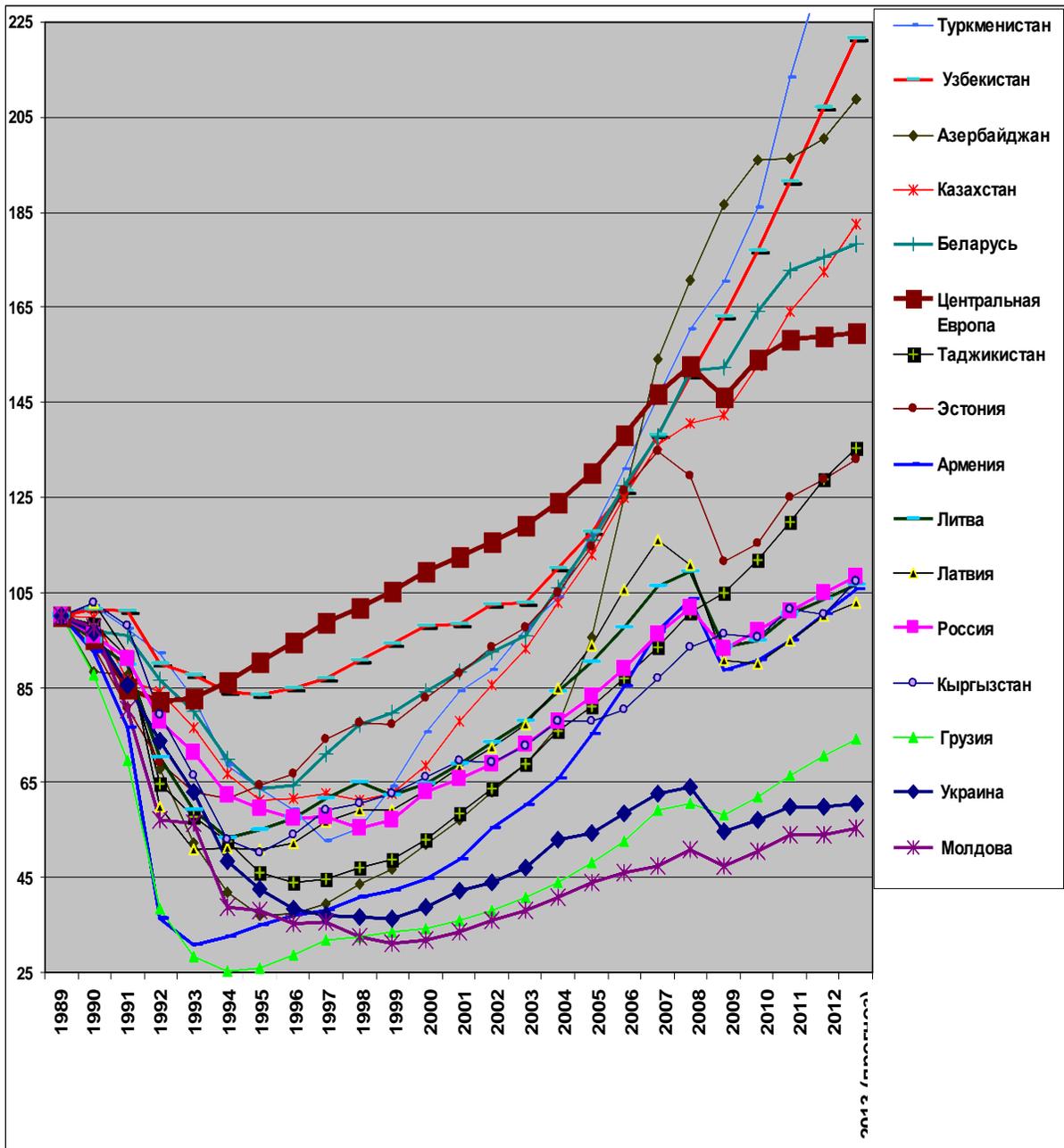
В 2011 году Узбекистан стал 15-ой страной мира, в которых курсируют высокоскоростные поезда. Расстояние в 344 км от Ташкента до Самарканда поезд «[Афросиаб](#)» (сделанный испанской Talgo) преодолевает за 2 часа 10 минут (то есть, примерно со скоростью «Сапсана»). К 2015 году планируется продлить скоростную магистраль до Бухары и Карши.

Теперь уже и забылось, как в 90-е годы либеральные экономисты – наши и зарубежные – доказывали, что переходные экономики растут тем быстрее, чем больше либерализация, приватизация и демократизация, что Прибалтика поэтому впереди планеты всей, а Средняя Азия безнадежно отстает. Время заставило на многое взглянуть по другому. Как видно из рис.1, сегодня в экономическом соревновании выигрывают не экономически либеральные и демократические режимы, а Туркменистан, Узбекистан. Азербайджан, Казахстан, Беларусь. В Узбекистане ВВП в 2012 году составил более 200% от уровня допереходного 1989 года – это лучший показатель в бывшем СССР (за исключением Турмениистана) и Восточной Европе. Это даже больше, чем рост ВВП в странах-передовиках капитализма – Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Чехии. По этому показателю Узбекистан уступает лишь еще двум азиатским переходным экономикам – Китаю и Вьетнаму.

¹ Сокращенный вариант настоящей статьи на английском: *An Economic Miracle in the Post-Soviet Space: How Uzbekistan Managed to Achieve What No Other Post-Soviet State Has* (<http://www.ponarseurasia.org/working-papers>)

² В.В. Попов – советник Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН и почетный профессор Российской экономической школы. Мнения, высказываемые в работе, отражают только личную точку зрения автора и не обязательно совпадают с позицией организаций, с которыми автор сотрудничает.

Рис. 1. Динамика ВВП в бывших советских республиках, 1989 г.= 100%

Источник: EBRD Transition Reports за разные годы.

Да, население Узбекистана увеличилось за два переходных десятилетия с 20 до 30 миллионов человек, так что в расчете на душу населения успехи несколько скромнее. Но, во-первых, сам рост населения вместо падения, как во многих других странах, – свидетельство успеха, а во-вторых, и рост реального подушевого

ВВП впечатляет – без малого на 40 % за 23 года, или почти на 1,6% в год. Не так много стран могут похвастаться таким результатом, особенно из тех, которым пришлось пережить трансформационный спад начала 90-х годов прошлого века. А в Узбекистане и трансформационный спад был менее глубоким и продолжительным (падение на 18% в 1991-95 гг.), и восстановление производства было более быстрым – по 3-4% в 1995-2003 гг. и по 7-9% в 2005-2012 гг.).

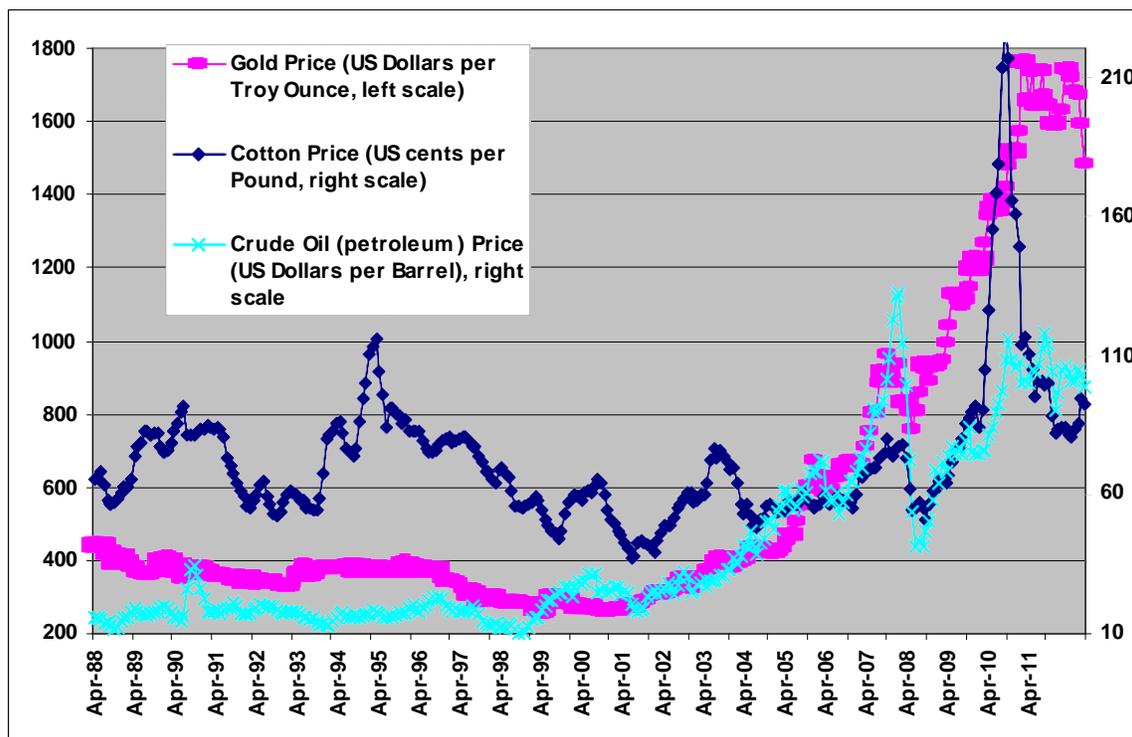
Примечательно, что и кризис 2008-09 гг. Узбекистан практически не затронул. В то время как в Прибалтике производство упало на 15-20 %, а в Армении, Венгрии, Молдове, России, Словении, на Украине – на 8-15%, в Узбекистане темпы роста едва снизились – с 9% в 2008 году до 8% в 2009 году.

Да, значительную роль в экономическом успехе сыграли благоприятные условия торговли – цены на газ, хлопок, золото – важные статьи узбекского экспорта, в 2002-10 гг. выросли в 4 раза (рис. 2). Но ведь Россия, да и многие другие нефтеэкспортеры, не смогли «превратить» благоприятную внешнюю конъюнктуру в быстрые темпы роста. А Узбекистан не является крупным экспортером топлива и энергии (а в советское время был нетто-импортером), хотя и добился за годы независимости энергетической самообеспеченности и стал чистым экспортером энергоресурсов.

Кроме того, сказать, что внешние условия уж очень благоприятствовали Узбекистану, язык не поворачивается. Дело в том, что Узбекистан не просто не имеет выхода к морю, но и является одной из двух стран в мире (вторая – Лихтенштейн), соседи которых тоже выхода к морю не имеют.

Дежурный аргумент, что в Узбекистане народ живет беднее, чем в России, и едет подрабатывать в Россию, в данном случае к делу не относится. В Узбекистане и производительность труда, и уровень жизни всегда были ниже, чем в России. А при развале СССР исчезли как явные субсидии (31% доходов бюджета республики в 1990г. составляли субвенции из союзного бюджета), так и скрытые (относительная стоимость ввозимого топлива и сырья для республик-импортеров постепенно возросла в разы), из-за чего уровень жизни в Узбекистане в начале 90-х резко упал еще больше по сравнению с российским. Но если говорить о динамике производства, а не о доходах, определяемых также и условиями торговли и масштабами экономической помощи, то в Узбекистане она была намного лучше, чем в России.

Рис. 2. Мировые цены на нефть (доллары США за баррель), хлопок (центы США за 1 фунт) и золото (доллары США за тройскую унцию)

Источник: Index Mundi,

<http://www.indexmundi.com/commodities/?commodity=cotton&months=300&commodity=gold&indicator=price-ratio>

Продолжительность жизни в Узбекистане такая же, как и в России в 2008 году (68 лет) и, хоть и не выросла за 20 лет, но и не сократилась, как в других бывших советских республиках в начале 90-х годов; распределение доходов очень равномерно (коэффициент Джини – на уровне 35-36% в 2002-2003гг., по данным Всемирного банка, и немногим более 30% в 2012 году по данным национальной статистики). В узбекских городах не видно мерседесов и альфа-ромео, не говоря уже о бентли и майбахах, но и бездомных и нищих тоже нет. Уровень убийств – всего 3 человека на 100 000 жителей в 2008 году (против 12 в России). В Ташкенте при входе в метро сумки досматривают, везде плакаты «Бдительность – требование времени». Но факт остается фактом: после взрывов у посольств США и Израиля и в здании прокуратуры в 2004 году и подавления восстания в Андижанской тюрьме в 2005 году в Узбекистане не было ни крупных терактов, ни беспорядков.

Либерализации нет, рост есть

Экономические успехи Узбекистана совсем не укладываются в традиционную мудрость вашингтонского и даже пост-вашингтонского консенсуса, в соответствии с которой, чем больше экономическая либерализация и открытость экономики,

тем лучше рост. Узбекистан – одна из трех стран СНГ (наряду с Туркменистаном и Беларусью), в которых на предприятиях госсектора все еще создается более половины ВВП (рис. 3). Импортные пошлины на некоторые пищевые продукты, машины и оборудование очень высоки (вместе с налогами иногда поднимают цену на 100-150%), официальный курс валюты на 30% с лишним выше рыночного, а распределение иностранной валюты централизовано; доля доходов госбюджета в ВВП высока (40% против порядка 30% в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане), существует план по фактически обязательным госзаготовкам хлопка.

Еще в 1998 году Дж. Зеттелмейер в статье, озаглавленной «Загадка узбекского роста»², удивлялся, как это нелиберализованный Узбекистан сумел избежать глубокого трансформационного спада. Он заключил, что «Узбекистан наверняка добился бы еще большего при более благоприятных условиях для создания частных предприятий, стимулах для частного производства для сбыта, особенно в хлопководстве».

Альтернативный анализ³ показывает совсем другое. Ключевым фактором спада в переходных экономиках была несостоятельность государства (government failure), а не несостоятельность рынка (market failure): именно коллапс государственных институтов и неспособность правительств предоставить традиционные общественные блага – от гарантий контрактов до охраны собственности, от сбора таможенных пошлин до обеспечения правопорядка – вызвали падение производства. Быстрое дерегулирование подрывало институциональный потенциал государства, так что от него было больше вреда, чем пользы. В тех же странах, где государство осталось более или менее дееспособным – от демократической Центральной Европы до авторитарных Азербайджана, Беларуси, Китая и Узбекистана, и экономическая динамика оказалась лучше.

Экономическая политика со знаком качества

Да, в Узбекистане, как и во всех постсоветских была высокая инфляция в начале 90-х годов, но с тех пор макроэкономическая политика становилась все лучше и лучше (рис. 4). Инфляция с 1998 года не превышает 15% даже по альтернативным оценкам. МВФ и Всемирный банк считают, что инфляция занижена (индекс цен считается узбекским Госкомстатом с текущими весами, а не с постоянными), но и альтернативные оценки не намного выше.⁴

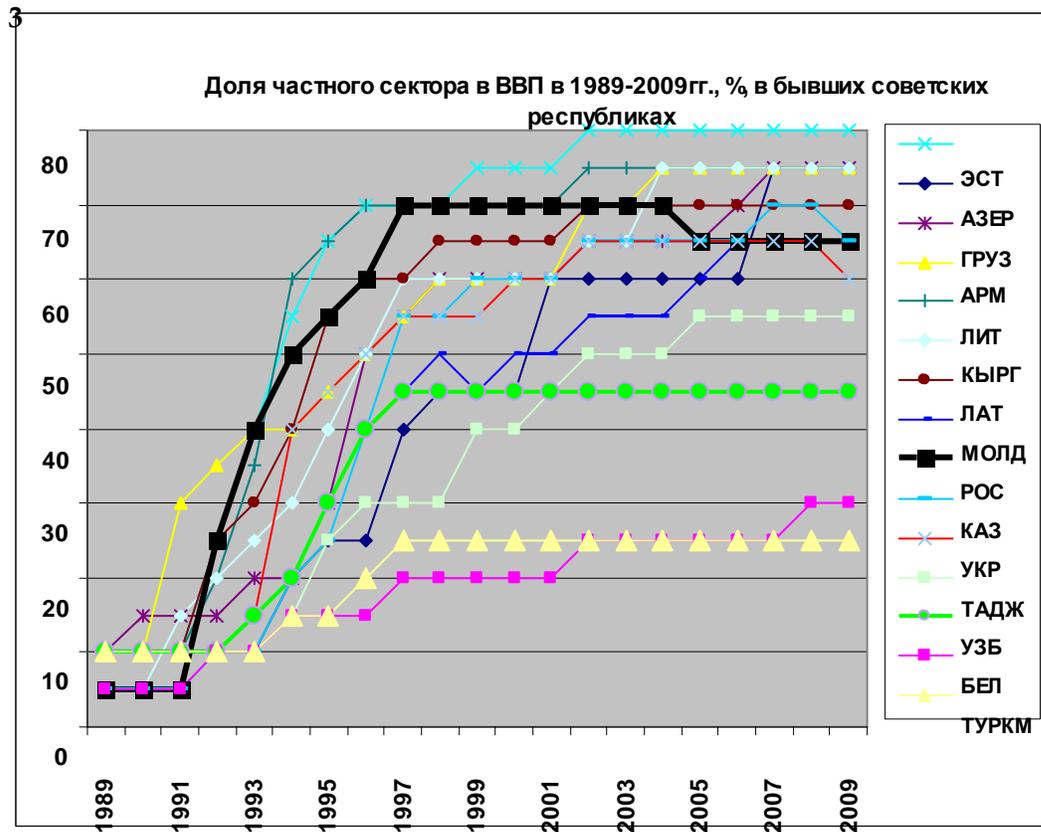
¹ Zettelmeyer, Jeronim (1998). The Uzbek Growth Puzzle. IMF Working paper 98/1330 (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/wp98133.pdf>).

² Попов, В. В. [Шокотерапия против градуализма 15 лет спустя: почему динамика производства в странах с переходной экономикой была неодинаковой. - Вопросы экономики, № 5, 2007; Шокотерапия против градуализма: конец дискуссии. – Эксперт, 21 сентября 1998г.](#)

³ МВФ оценивал инфляцию в 2012 году в 11% против 7%, по официальным данным (World Bank Group – Uzbekistan Partnership: Country Program Snapshot. March 2013 (<http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/Uzbekistan-Snapshot.pdf>)).

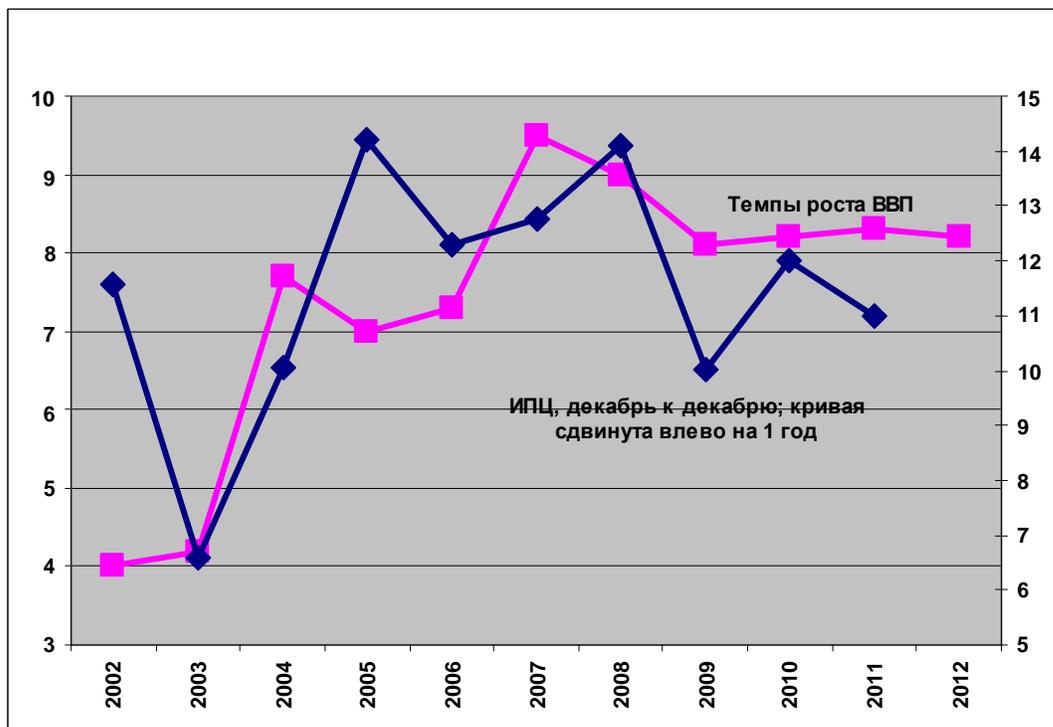
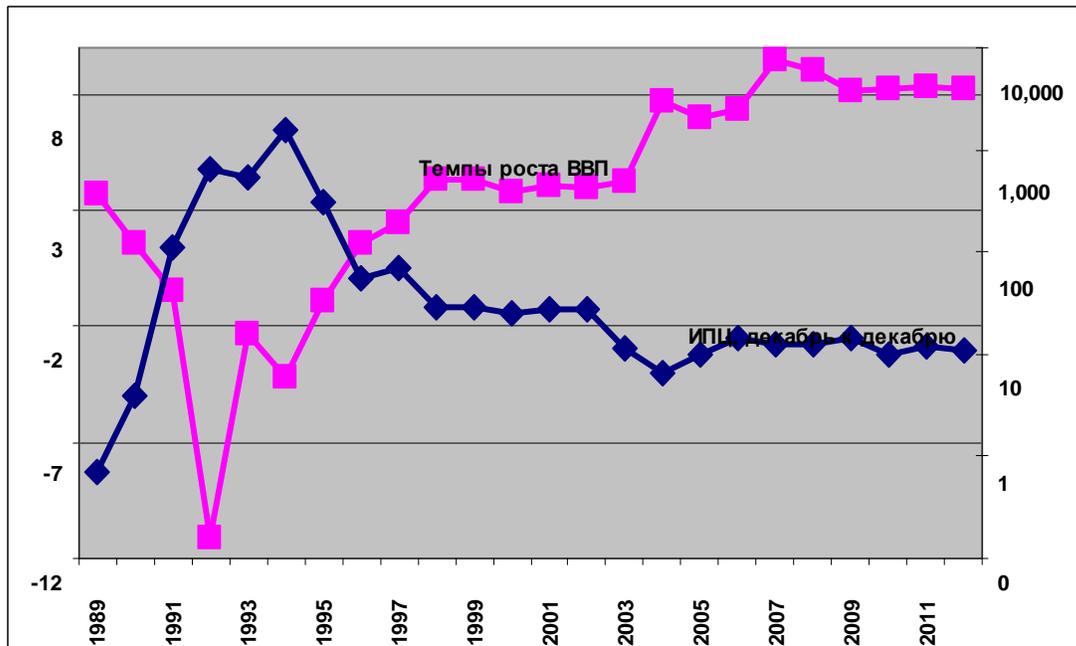
Если проблема с инфляцией и есть, то состоит она не в том, что она высока, а в том, что власти могут поддасться давлению международных финансовых институтов и действительно решить, что главная задача – борьба с инфляцией. В прошлом такое случалось в 2004 и в 2010 году, когда чрезмерное рвение в борьбе с инфляцией оборачивалось подавлением роста (рис. 4).

Рис.

Source: EBRD Transition report.

Рис. 4. Темпы роста ВВП (% , левая шкала) и темпы инфляции (% , правая шкала)

Источник: EBRD.

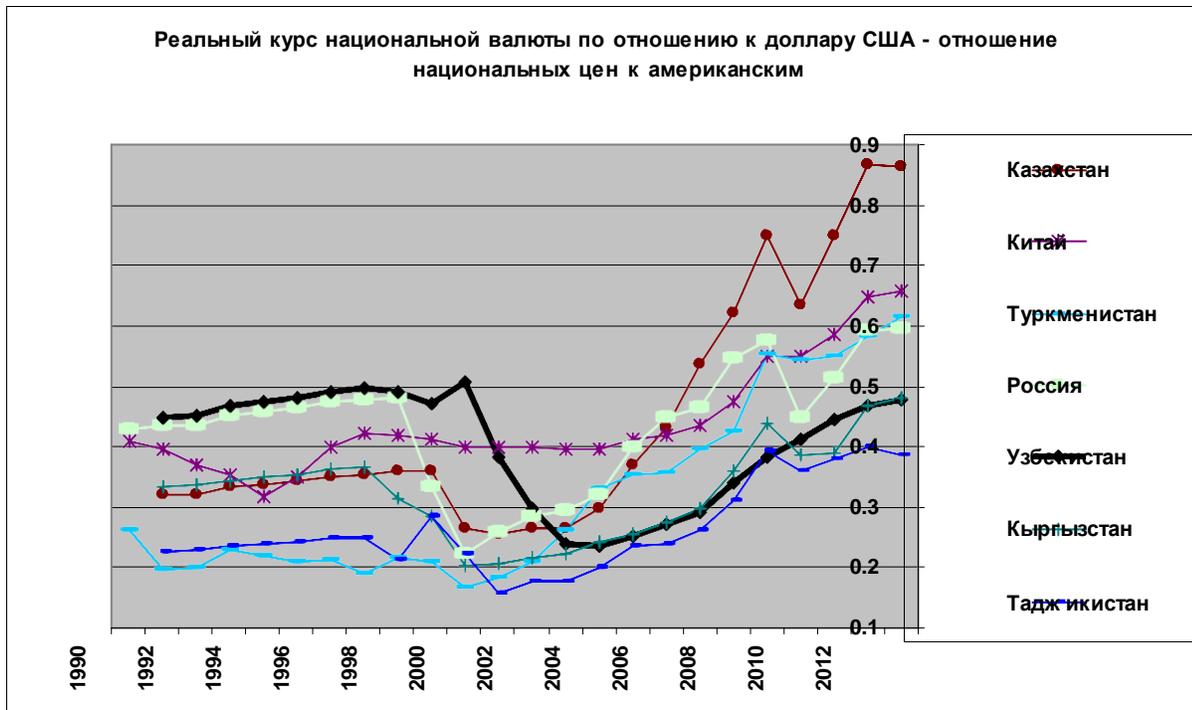
Между тем, зависимость между инфляцией и ростом отрицательная, только когда инфляция превышает 20%. А до этих значений, при относительно умеренной инфляции, действует обычная кейнсианская положительная зависимость (рис. 4), описываемая кривой Филлипса – шоки совокупного спроса ведут сначала, в первые 18 месяцев, к изменению выпуска, а потом – к изменению цен («пар уходит в свисток»)³. В России, например, в 1998 году – дожали инфляцию до 6% (июль 1998 к июлю 1997), и производство упало (на 5% в 1998 году, причем именно до девальвации в августе). Или совсем недавно в России – додали инфляцию до 6-7% в 2011-13 гг., так и темпы роста упали до 2-4%. Но, похоже, в Узбекистане, слава богу, не столь нетерпимы к умеренной инфляции, как в России.

Финансовые позиции правительства очень прочны. Консолидированный государственный бюджет сводится с профицитом вот уже более 10 лет, причем профицит достиг в 2008 году, перед кризисом, 10% ВВП (в 2012 году – 2%). Государственный долг снизился с 59% в 2001 году до 9% в 2012 году, внешний долг в последние годы – всего 10–12% ВВП.

А в отношении валютного курса политика Узбекистана вообще лучше всех, как у Китая. После валютных кризисов в Азии (1997 год), России и других переходных экономиках (1998 год) Узбекистан в 2000-01 гг. сильно девальвировал свою валюту, а затем снижал курс постепенно вровень с национальной инфляцией, так что реальный курс постепенно обесценивался (рис. 5). Реальный курс сума по отношению к доллару в 2012 году был на уровне начала 90-х годов, несмотря на значительное улучшение условий торговли (во всех других странах Средней Азии, в России и в Китае реальный курс вырос в последние 20 лет). Реальный же *эффективный* курс (не только к доллару, но и к валютам других торговых партнеров в сильно снизился (рис. 5).

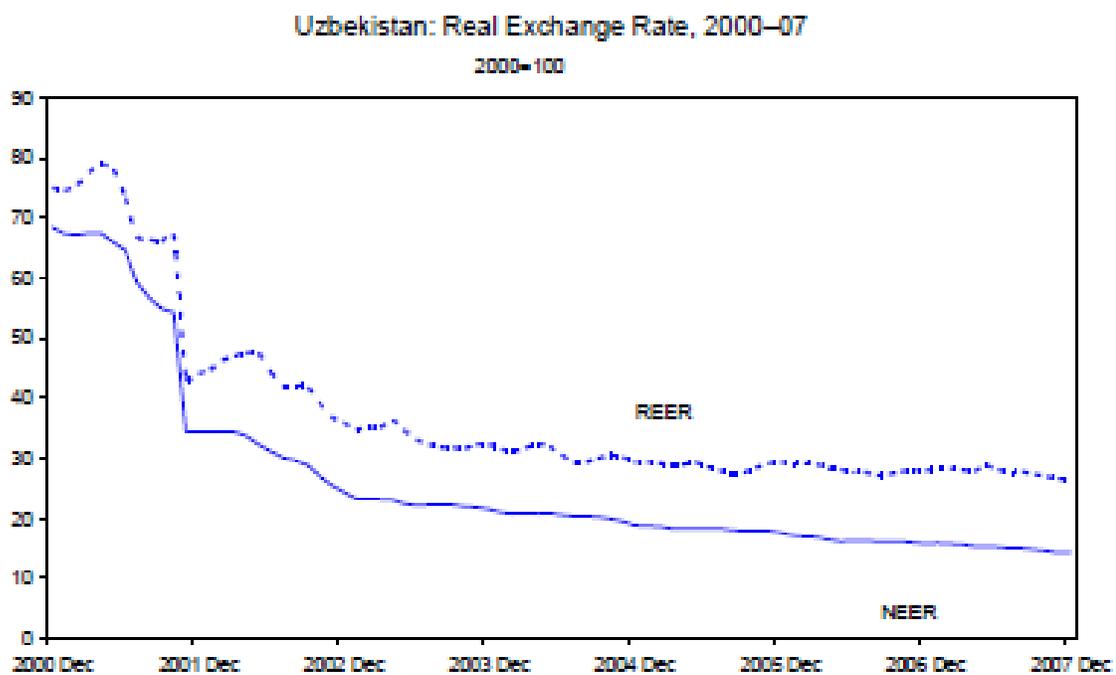
³ См. подробнее: Полтерович В. В. (2006). [Снижение инфляции не должно быть главной задачей политики правительства](#). Записка в Правительство РФ, 2 апреля 2006 г.; [Попов, В.В. Стратегии экономического развития. М., Изд-во «ГУ- Высшая Школа Экономики», 2011, гл. 1.](#)

Рис. 5. Реальный курс валюты в Узбекистане и других странах Средней Азии, Китае, России

Источник: World Development Indicators.

Номинальный и реальный эффективный валютный курс узбекского сума в 2000-07 гг., 2000г. = 100%

Источник: Republic of Uzbekistan: 2008 Article IV Consultation—Staff Report; Public Information Notice on the Executive Board Discussion; and Statement by the Executive. IMF Country Report No. 08/235, July 2008.

Экспортеры в Узбекистане обязаны продавать 50% валютной выручки по официальному курсу, который на 30% и более ниже уличного курса. Но платежный баланс сводится с профицитом, валютные резервы с 2004 до 2012 года выросли с 5 до 15 месяцев импорта, не считая более 5 млрд. долл. в Фонде реконструкции и развития, который был создан в 2006 году⁶.

Но самое главное и удивительное – способность Узбекистана за всего лишь 20 лет в корне поменять структуру экономики, избавиться от монокультурной зависимости от хлопка, добиться продовольственной и энергетической самообеспеченности и диверсифицировать экономику в сторону промышленности, машиностроения и химии.

Мы в России уже 25 лет говорим о том, как бы снять экономику с нефтяной иглы, а доля сырьевых отраслей в производстве и экспорте между тем растет. Доля минерального сырья, металлов и алмазов в российском экспорте увеличилась с 52% в 1990 году (СССР) до 67% в 1995 и 81% в 2012 году, тогда как доля машин и оборудования упала с 18% в 1990 году (СССР) до 10% в 1995 и 4,5% в 2012 году. А в Узбекистане говорили про преодоление сырьевого крена экономики меньше, а сделали много больше.

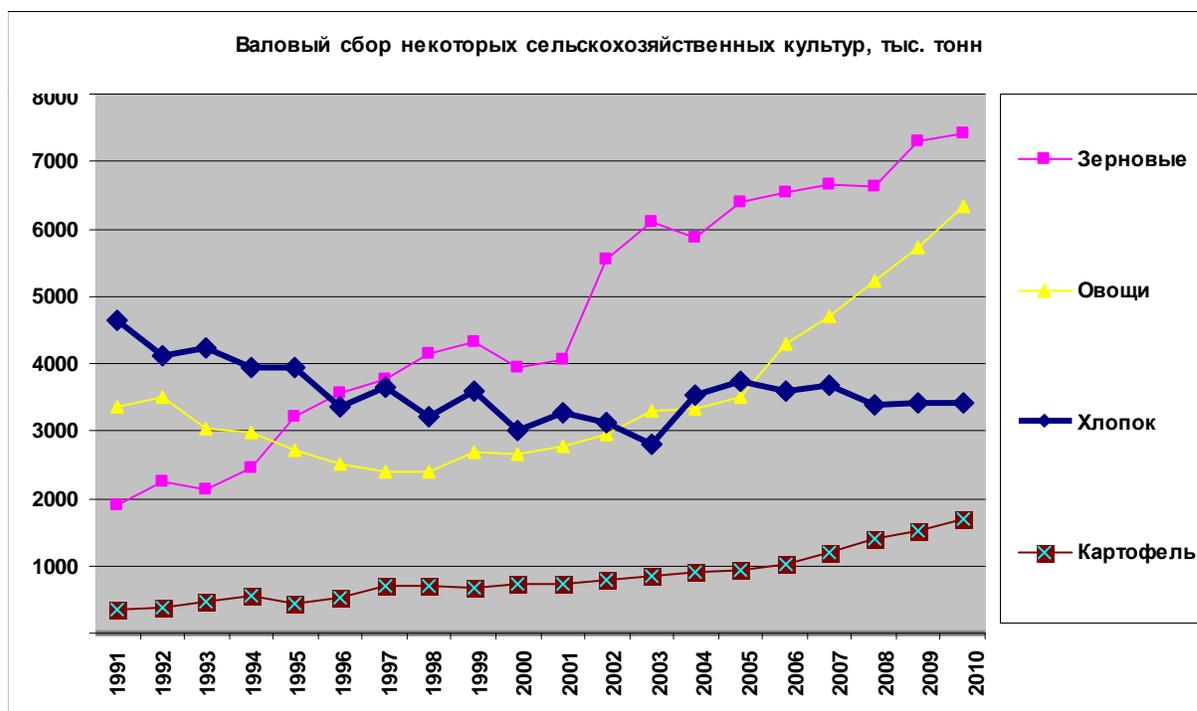
Обозреватели отмечают, что Узбекистан сознательно заимствовал многие черты корейской модели. В Узбекистане сейчас живет почти 200 тысяч корейцев (после сталинского переселения 1937 года), много корейских инвестиций (в том числе автомобильный завод в Асаке, изначально построенный «Daewoo», а теперь принадлежащий государственной автомобильной компании в партнерстве с «GM Uzbekistan»), большая торговля, культурные обмены.

Действительно, Узбекистан, как и Корея ранее, использует такие инструменты промышленной политики, как импортные пошлины, налоговая поддержка экспортеров, заниженный валютный курс. Но не одна Корея использовала эти инструменты, и на Корею Узбекистан похож мало. Отраслевая структура экономики формировалась в стране после достижения независимости отнюдь не корейскими, а зачастую прямолинейными советскими методами.

Во-первых, правительство через фактически обязательный госзаказ стало сокращать производство хлопка, увеличивая площади под зерновыми, овощами и картофелем (рис. 6). Производство хлопка снизилось с 6 млн. тонн в 70-е-80-е годы до немногим более 3 млн. тонн сегодня, доля хлопка в экспорте упала с более 50% до менее 10%. Сегодня Узбекистан экспортирует примерно столько же продовольствия, сколько и импортирует.

⁶ Фонд сочетает в себе функции стабилизационного фонда и фонда развития. В него направляется часть централизованной выручки от экспорта, а расходуются средства отчасти на вложения в долговые обязательства западных стран и отчасти на кредиты для импорта по национальным проектам развития. Так что валютные доходы, попадая в Фонд, стерилизуются, то есть не ведут к росту денежной массы, как происходит, когда они пополняют валютные резервы центрального банка (BEEBA, 2011. *Investment Climate Statement – Uzbekistan. 2011 Investment Climate Statement. BUREAU OF ECONOMIC, ENERGY AND BUSINESS AFFAIRS. March 2011, <http://www.state.gov/e/eb/rls/othr/ics/2011/157382.htm>*)

Рис. 6. Валовый сбор некоторых сельскохозяйственных культур, тыс. тонн

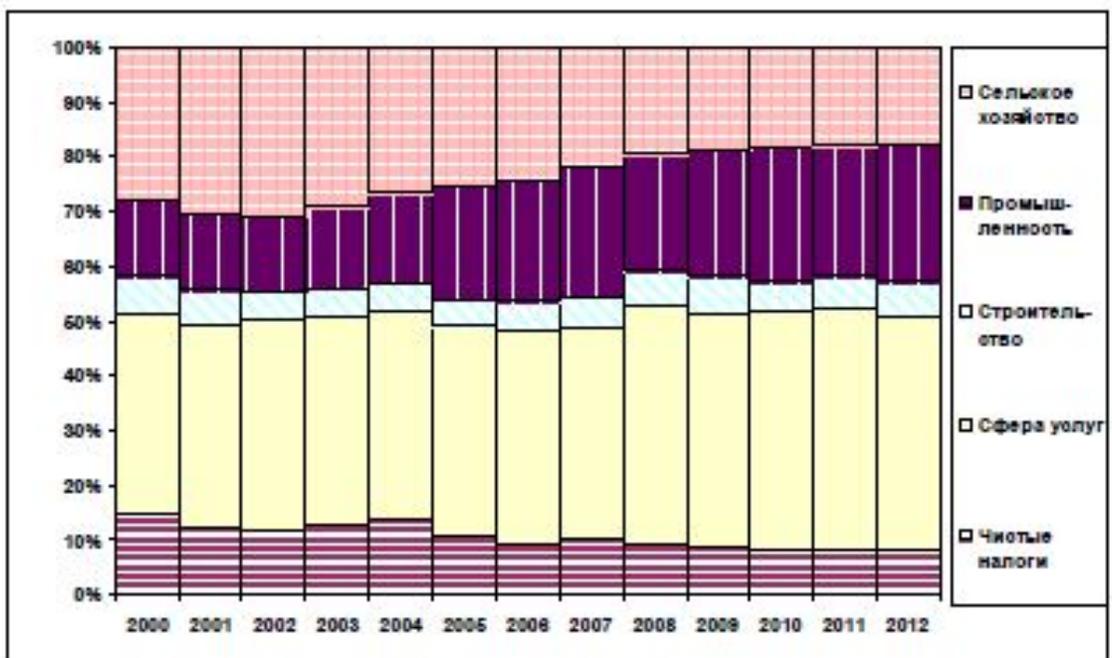

Источник: Госкомстат (<http://www.stat.uz/en/>).

Во-вторых, Узбекистан за годы независимости достиг энергетической самообеспеченности и превратился из нетто-импортера в нетто-экспортера топлива – в основном за счет увеличения производства природного газа и нефти (примерно в 1,5 раза). При этом энергоёмкость узбекского ВВП снизилась в 2 раза, так что Узбекистан превратился в чистого экспортера газа.

В-третьих, Узбекистан поддерживал свою промышленность и оказался единственной страной постсоветского пространства, в которой выросла доля промышленности в ВВП (рис. 7) и доля машиностроения и химии в структуре самой промышленности (рис. 8, таблица 1). Была создана практически с нуля конкурентоспособная автомобильная промышленность, которая стала одним из моторов национального роста. В 2013 году она должна выпустить 274 тыс. автомобилей, из которых 142 тыс. будут реализованы на внешнем рынке. В 2011 году начал работать завод автомобильных двигателей в Ташкенте (совместное предприятие «Дженерал моторз» и государственной автомобильной компании) с проектной мощностью 360 тыс. двигателей в год.

Рис. 7. Отраслевая структура ВВП в 2001-12 гг., в % к итогу

Источник: Trushin, Eskender and Francisco G. Carneiro (2013). Changing for the Better: The Path to Upper-Middle-Income Status in Uzbekistan. *Economic Premise*, No. 119, June 2013 (<http://siteresources.worldbank.org/EXTPREMNET/Resources/EP119.pdf>).

Живительная сила протекционизма

За счет чего Узбекистан достиг диверсификации экономики? Многие скажут, за счет протекционистской защиты внутреннего рынка и поддержки отечественных экспортеров против иностранных конкурентов. Так-то оно так, но это лежащий на поверхности и обманчиво простой ответ. Многие страны использовали протекционизм и импортзамещение, но немногим удалось кардинально диверсифицировать экономику в сторону отраслей высокой степени обработки.

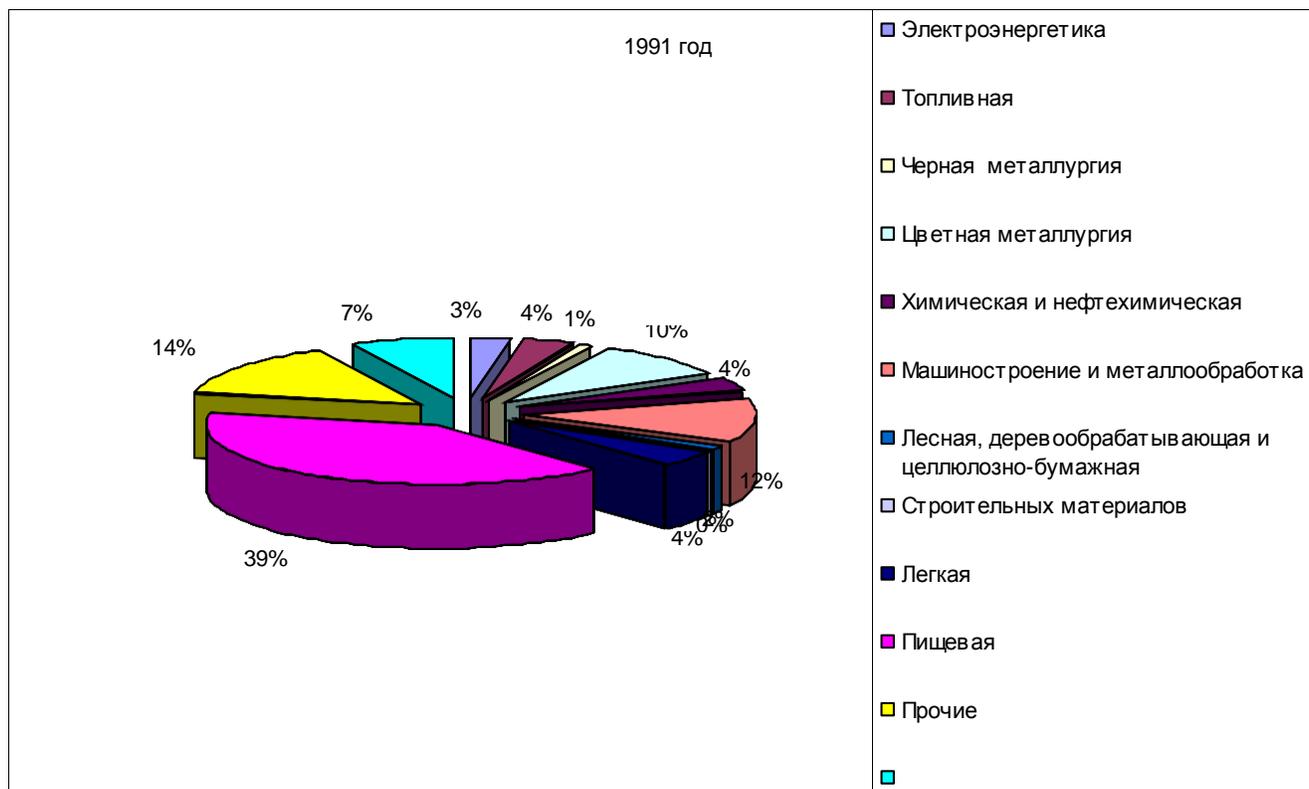
Таблица 1. Структура промышленного производства в текущих ценах в % к итогу

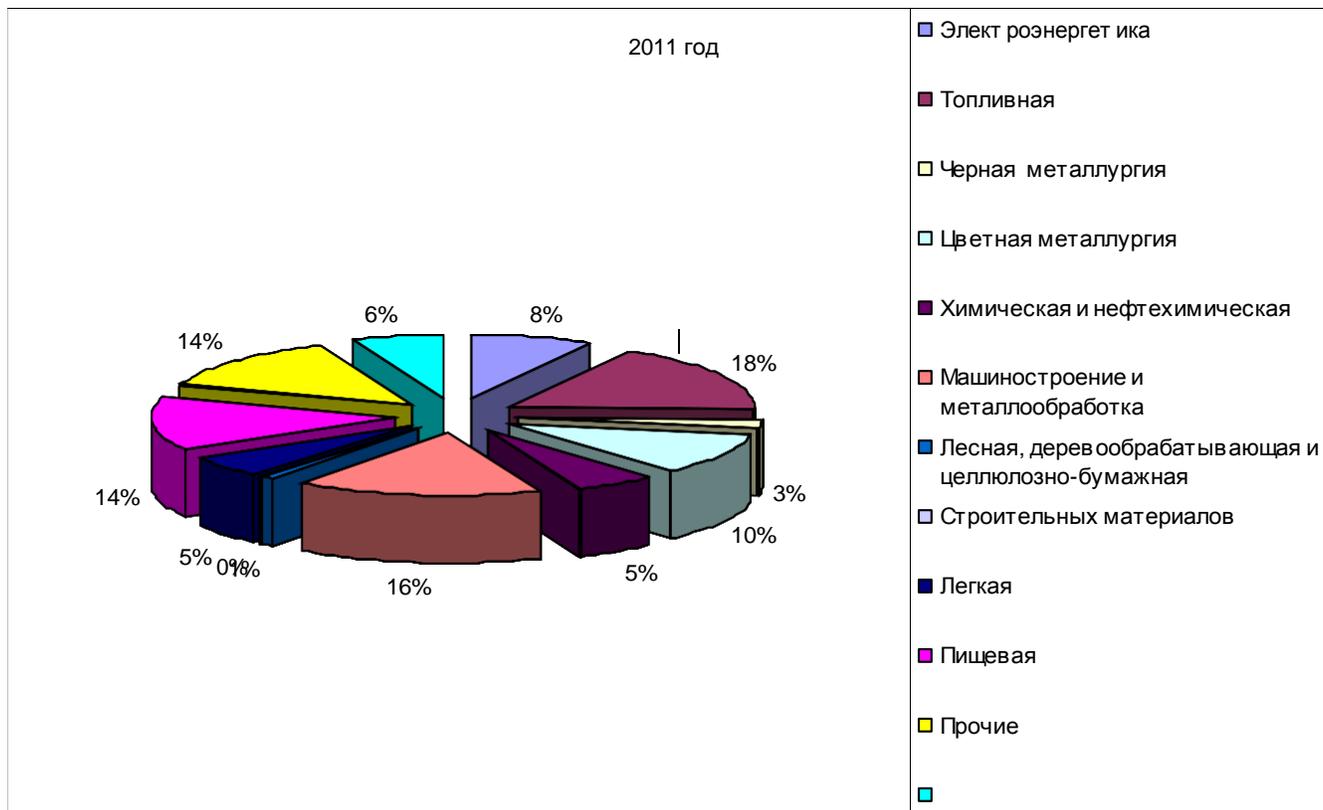
в

Отрасли	1991	2011
Электроэнергетика	2.7	8.0
Топливная	3.7	17.5
Черная металлургия	0.8	2.6
Цветная металлургия	9.7	10.4
Химия и нефтехимия	4.0	5.5
Машиностроение	11.6	16.1
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	1.6	1.1
Производство стройматериалов	4.3	5.3
Легкая	39.8	13.5
Пищевая	14.8	14.0
Прочие отрасли	7.1	6.1
Вся промышленность	100.0	100.0

Источник: Госкомстат (<http://www.stat.uz/en/>).

Рис. 8. Отраслевая структура промышленного производства в 1991г. и 2011г., в % к итогу

Источник: Госкомстат Узбекистана (<http://www.stat.uz/en/>).

СССР периода индустриализации, Латинская Америка и Индия до 90-х годов, развивающиеся страны социалистической ориентации – все эти государства и регионы практиковали именно протекционистскую импортзамещающую промышленную политику, стараясь обеспечить экономическую независимость. Везде, от Северной Кореи до Индии и от СССР до Латинской Америки, эти попытки неизменно заканчивались одним и тем же – созданием мертворожденных промышленных комплексов, которые еще могли кое-как функционировать в теплой протекционистской среде, но которые рассыпались, как картонные домики, при первом столкновении с иностранной конкуренцией. При субсидировании слабых отраслей за счет сильных развитие неизменно заходило в тупик: сильные отрасли, из которых изымались средства, хирели, а слабые, хоть и поддерживаемые, но не работающие на экспорт, так и не становились жизнеспособными.

диа

А вот в странах Восточной Азии – Японии, Южной Корее, Тайване, Китае, многих странах АСЕАН, протекционизм оказывался очень результативным – под защитой протекционистских барьеров возникали не индустриальные динозавры и мастодонты, а эффективные и конкурентоспособные предприятия. В чем же секрет, почему одни и те же протекционистские меры вели к

диаметрально противоположным результатам? Недавние исследования формулируют условия, при которых протекционистские меры и другие рычаги промышленной политики могут быть успешными⁷.

Первое требование к успешной промышленной политике состоит в том, что она должна быть экспортно-ориентированной. Таможенная или прочая защита отечественных производителей обязательно должна дополняться поощрением экспорта, тогда это и называется экспортно-ориентированной промышленной политикой. А без поощрения экспорта протекционизм ведет только к импортзамещению. На первом этапе это нормально – вновь созданные производства начинают конкурировать с импортом прежде всего на национальном рынке, но с определенного момента, если не экспортировать продукцию, начинается загнивание.

Можно защитить внутренний рынок от иностранной конкуренции (скажем, высокими таможенными пошлинами) и при этом довольствоваться тем, что он снабжается отечественными производителями, не экспортирующими свою продукцию (импортзамещение). А можно поддерживать отрасли уже экспортирующие или с перспективой на экспорт, то есть самые конкурентоспособные или ориентированные на то, чтобы стать таковыми (если не становятся и не начинают экспортировать, поддержка прекращается). И в том и в другом случае используется протекционистская защита внутреннего рынка; разница в том, что одна эта защита – без стимулирования экспорта – ведет только к сохранению неэффективных производств, а такая же защита со стимулированием экспорта сохраняет неэффективные производства лишь на время, а затем превращает их в эффективные. В своем крайнем варианте импортзамещение – это стратегия опоры на собственные силы, направленная на то, чтобы производить все внутри страны.

Экспортная ориентация – это политика, тоже призванная создать новые отрасли, возможно и с нуля, но которые непременно должны стать конкурентоспособными не только на национальном, но и на мировом рынке. Если эти отрасли не смогут экспортировать продукцию после *n* лет поддержки, то эта поддержка прекращается. Такая политика проводилась сначала в Японии, затем в Южной Корее, на Тайване, в Гонконге и Сингапуре, позже – в странах ЮВА и в Китае и привела к впечатляющим результатам. Все эти страны в разное время проводили схожую политику – всемерно поощряли национальные фирмы экспортировать производимую продукцию, даже когда эти фирмы и на национальном рынке занимали еще слабенькие позиции. В Китае именно экспорт был мотором экономического роста, а доля экспорта в ВВП выросла с 5% в 1978г. до более 30% сегодня.

⁷ См. обзор в: Попов В.В. [Больше протекционизма! Торговли! Роста! Нетрадиционный взгляд на экспортную ориентацию и экономическое развитие. Политический журнал. № 15 \(110\) / 24 апреля 2006г.](#); Попов В.В. [ТЕХНОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА. - Прогнозис. № 2\(6\), Лето 2006г.](#)

Способов поддержки экспорта много, но главным инструментом является занижение валютного курса через накопление валютных резервов центробанком: когда последний закупает валюту в размерах, превышающих предложение участников рынка, то есть создает избыточный спрос на валюту, курс национальной денежной единицы понижается⁸. Искусственная заниженность курса создает преимущества для всех производителей торгуемых товаров за счет производителей неторгуемых товаров, что позволяет стимулировать экспорт, производство и сбережения через ограничение импорта и потребления. Такого же эффекта можно в принципе добиться, манипулируя налогами, скажем, через введение импортных пошлин и экспортных субсидий. Однако занижение курса через накопление резервов – неселективный инструмент промышленной политики, имеющий очевидное преимущества перед селективными (дифференцированные по отраслям и предприятиям налоги и субсидии) в условиях высокой коррупции.

Заниженный курс имели Япония, Корея, Тайвань и Сингапур несколько десятилетий назад, когда они еще были "бедными" и догоняли развитые страны; заниженным курсом пользуются в последние десятилетия государства Юго-Восточной Азии, поддерживая его на уровне 20-40% от паритета покупательной силы, то есть на таком уровне, что их цены при пересчете в доллары оказываются в 2,5-5 раз ниже американских. Китай упорно отказывается кардинально ревальвировать курс несмотря на нажим США и продолжает накопление валютных резервов, которые уже превышают 3 трлн. долл.

Недавние исследования, кроме того, показывают, что наибольшую отдачу дает стимулирование не просто всякого экспорта (скажем, ресурсов), а именно экспорта готовых изделий, и особенно сложного наукоемкого экспорта. И не потому, что ресурсы могут кончиться или подешеветь, а потому, что общественная отдача от развития наукоемких производств больше, чем отдача для конкретных фирм, которые занимаются такой деятельностью. Это так называемая экстерналия, внешняя выгода, которую рынок правильно учесть не может, так что необходима господдержка, чтобы вывести развитие таких отраслей на оптимальный уровень. Экстерналию измерить очень сложно. Общепризнано, например, что существуют значительные экстерналии от развития образования, здравоохранения, фундаментальной науки, так что государство должно поддерживать эти отрасли, но в какой именно мере – не вполне ясно. Во всяком случае экстерналия от развития наукоемких производств на экспорт больше, чем экстерналия от экспорта ресурсов и технически несложных товаров.

⁸ V. Polterovich, V. Popov (2004). Accumulation of Foreign Exchange Reserves and Long Term Economic Growth. – In: *Slavic Eurasia's Integration into the World Economy*. Ed. By S. Tabata and A. Iwashita. Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo, 2004. [Updated version](#), 2006; Полтерович, В., В. Попов (2002). [Последняя надежда. – Эксперт. № 48, 22 декабря 2002г.](#)

В этом как раз и состоит второй принцип успешной промышленной политики: не всякий экспорт стоит поддерживать, а только тот, который дает наибольшую экстерналию, внешнюю выгоду, возникающую тогда, когда общественная отдача от вложений в определенный вид деятельности больше, чем отдача для конкретных фирм, непосредственно занимающихся такой деятельностью. Собственно говоря, именно такая политика, нацеливающая национальных предпринимателей не просто на экспорт, а на постоянное усложнение экспорта, и объясняет экономический успех Японии, Кореи, Китая, а теперь и Узбекистана.

В недавних статьях Рикардо Хаусманна, Джейсона Хванга и Дэни Родрика⁹ предложен остроумный индекс сложности экспорта, который рассчитывается в два этапа. Сначала исчисляется средневзвешенный ВВП на душу для стран, экспортирующих определенный товар (из 5000 возможных товарных позиций) – получается доход на душу в гипотетической стране, которая специализируется на экспорте именно и только этого товара. Затем такой же гипотетический уровень ВВП на душу исчисляется для страны с данной структурой экспорта и сопоставляется с фактическим для этой страны уровнем ВВП – оказывается, что это сопоставление очень информативно для объяснения темпов экономического роста.

Китай, например, и в 1992 г., и в 2003 г. имел наибольший разрыв между гипотетическим и фактическим уровнем ВВП на душу, то есть структура китайского экспорта соответствовала уровню развития страны, которая в несколько раз опережала Китай по ВВП на душу населения. Да, в 90-е годы коэффициент такого опережения сократился – с 6 раз в 1992г. до менее 3 раз в 2003г., но это опережение все равно оставалось самым высоким в мире.

Узбекистан не является лидером в сфере высоких технологий, доля расходов на НИОКР в узбекском ВВП даже снизилась за последние годы (с 0,25% в 2003 году до 0,19% в 2009) и конечно, не идет в сравнение даже с уровнем России и Венгрии (1%), не говоря уже об Израиле, Финляндии, Южной Кореи, Японии (3-5%)¹⁰. Но ведь и уровень развития Узбекистана пока низок – 3500 долларов ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в 2012 году против 14000 в Казахстане и 24000 в России. На этом этапе развития выгоднее не самим

⁹ Hausmann, Ricardo, and Dani Rodrik, "Economic Development as Self-Discovery," *Journal of Development Economics*, December 2003; Hausmann, Ricardo, Jason Hwang, and Dani Rodrik, "What You Export Matters," NBER Working Paper, January 2006; Dani Rodrik WHAT'S SO SPECIAL ABOUT CHINA'S EXPORTS? Harvard University, January 2006.

¹⁰ Kambariddinova, Nigara, Akmal Mirzaev (2010). NATIONAL INNOVATION SYSTEM IN UZBEKISTAN. – *Verklas XXI amžiuje (Business in XXI Century)*. 15-osios Lietuvos jaunujų mokslininkų konferencijos „Mokslas – Lietuvos ateitis“ 2012 metų teminės konferencijos straipsnių rinkinys (<http://jmk.vvf.vgtu.lt/index.php/conference/2012/paper/viewFile/16/63>).

разрабатывать новые изделия и технологии, а заимствовать их за рубежом¹¹. Узбекистан и экспортирует продукцию среднего уровня сложности и наукоемкости (автомобили и химические продукты), но и это огромный успех, недостижимый для более богатых стран.

А вот совокупная факторная производительность в Узбекистане растет с 1999 года на 1-4% в год – очень хороший результат для развивающейся страны¹². И по глобальному инновационному индексу (Global Innovation Index – GII), рассчитываемому INSEAD Business School и Confederation of Indian Industry, Узбекистан в 2009 году (оценка 3.11) занял более высокую позицию, чем Россия (2.93), Казахстан (2.85), Украина (2.77). Высокий рейтинг республики обеспечили такие составляющие GII как качество госинститутов и политики (3.4 в Узбекистане против 3.3 в России), уровень развития бизнеса (4.2 против 3.0 в России), уровень знаний (3.6 против 3.2), уровень конкурентоспособности (2.9 против 2.6)¹³.

Можно, конечно отмахнуться и посчитать оценки экспертов GII нереальными. А можно подумать почему по уровню знаний, уровню развития бизнеса, конкурентоспособности и качеству институтов Узбекистан все время получает более высокие отметки.

Экспортная ориентация «без дураков»

В Узбекистане промышленная политика как раз и проводится с упором на экспортную ориентацию. После российского валютного кризиса 1998 года произошла резкая девальвация узбекского сума, а с 2001 года проводится постепенная плавная девальвация, примерно теми же темпами, что и инфляция, так что реальный курс сума к доллару ежегодно даже чуть-чуть снижается (за счет 2-процентной инфляции в США). В итоге производство несырьевых товаров оказывается конкурентоспособным и все больше ориентируется на экспорт.

Больше того, с 1998 года в Узбекистане были отменены все экспортные пошлины, а с 2004 года для предприятий-экспортеров всех форм собственности установлен порядок уплаты налога на прибыль, имущество и единого налогового платежа в зависимости от доли экспорта товаров собственного производства за свободно конвертируемую валюту в общем объеме реализации. При доле экспорта от 15 до

¹¹ Полтерович В.М., В.В. Попов (2006). [Эволюционная теория экономической политики. Часть вторая. Необходимость своевременного переключения. – Вопросы экономики, № 8, 2006 \(http://http-server.carleton.ca/~vpopov/documents/STAGES-VoprEcon-Part2.pdf\)](http://http-server.carleton.ca/~vpopov/documents/STAGES-VoprEcon-Part2.pdf).

¹² Чепель С.В. и др. (2010). Экономический рост и инновации: теория, практика и моделирование. Институт прогнозирования и макроэкономических исследований, Ташкент, 2010, с. 17.

¹³ Чепель С.В. и др. (2010). Экономический рост и инновации: теория, практика и моделирование. Институт прогнозирования и макроэкономических исследований, Ташкент, 2010, с. 11.

30 процентов установленные ставки налогов снижаются на 30 процентов, а при доле экспорта от 30 и более процентов - установленные ставки налогов снижаются на 50 процентов. Указанные льготы не распространяются на торгово-посреднические предприятия, а также на производственные предприятия, экспортирующие за свободно конвертируемую валюту сырьевые товары – хлопковое волокно, хлопчатобумажную пряжу, нефть, нефтепродукты, газовый конденсат, природный газ, электроэнергию, драгоценные, цветные и черные металлы.

Низкий курс валюты и некосметические налоговые льготы – это серьезная, «не понарошку», политика стимулирования экспорта, которая в других переходных экономиках отсутствует. Можно сколько угодно говорить о том, что надо экспортировать готовые изделия, а не сырье, но если весомых стимулов к этому нет, то призывы, так и останутся призывами. В Узбекистане же слов о стимулировании экспорта готовых изделий говорят мало, а делают много. Экспортерами не рождаются, но становятся. Согласитесь, если налоги для экспортеров готовых изделий в 2 раза ниже, то и экспортировать стремятся все – даже в ущерб продажам на внутреннем рынке. Так производителей с самого начала ориентируют на мировой рынок, на самые передовые образцы продукции и самые продвинутые стандарты качества, так создается конкурентоспособное в мировом масштабе производство.

Экспорт за 20 лет независимости вырос более, чем в 6 раз (в долларах, в текущих ценах – рис. 9), а с 2002 года торговый баланс сводится с растущим профицитом. Доля хлопка в экспорте упала с 65% в 1992 году до 9% в 2012 году, тогда как доля топлива (в основном газа) и нефтепродуктов выросла с 4 до 38%, доля машин и оборудования – с 2 до 7%, доля продукции химической промышленности – с 6 до 9%. В импорте же продовольствие замещалось машинами и оборудованием: доля продуктов питания в 1992-2012 гг. упала с 43 до 10%, а доля машин и оборудования повысилась с 10 до 46% (рис. 10)¹⁴.

¹⁴ Trushin, Eskender and Francisco G. Carneiro (2013). Changing for the Better: The Path to Upper-Middle-Income Status in Uzbekistan. *Economic Premise*, No. 119, June 2013 (<http://siteresources.worldbank.org/EXTPREMNET/Resources/EP119.pdf>). По другим данным (Improving Trade Policy for Human Development. UNDP, October 2010, <http://europeandcis.undp.org/news/show/651A9314-F203-1EE9-BF2C431238721AC>), доля машин и оборудования в экспорте составила 9% в 1992 году, упала до 2% в 1995 году и вновь возросла до 7-10% в 2004-08 гг.

Рис. 9. Экспорт и импорт Узбекистана, слн. Долл.

Источник: Госкомстат Узбекистана (<http://www.stat.uz/en/>)

Рис. 10. Структура экспорта и импорта Узбекистана в 2012 году в % к итогу

Структура импорта Республики Узбекистан
за 2012г.

Источник: Министерство внешних экономических связей, инвестиций и торговли Республики Узбекистан (http://www.mfer.uz/rus/vneshnyaya_torgovlya/informaiya_o_tovarooborote_eksporte_i_importe_respubliki_uzbekistan/informaiya_o_tovarooborote_eksporte_i_importe_respubliki_uzbekistan_za_2012g/informaiya_o_tovarooborote_eksporte_i_importerespubliki_uzbekistan_za_2012g/)

* * * *

"Набор мелких государств-паразитов, управляемых рэкетирами и бандитами, массовые лагеря беженцев и огромная теневая экономика. Добро пожаловать в Мусоростан" – так написал о Средней Азии (и о всех бывших советских республиках, исключая Эстонию) солидный профессор (Стивен Коткин) солидного университета (Принстона) в 2002 году¹⁵. Справедливости ради надо заметить, что большинство экспертов никогда не позволяли себе называть целые страны «мусоростанами», а многие даже в 2000 году считали успех Узбекистана во многом закономерным¹⁶.

А сегодня возвышение Узбекистана и малолиберализованных экономик на постсоветском пространстве не заметит лишь тот, кто не хочет видеть. Появились статьи о новой среднеазиатской модели государства, нацеленного на развитие

¹⁵ Kotkin, Stephen. "Trashcanistan." *New Republic* Vol. 226, no. Issue 14 (2002): 26-38. Cited in Spechler, Martin C. (2008). *The Political Economy of Reform in Central Asia. Uzbekistan under Authoritarianism*. Routledge, Taylor and Francis Group, London and New York, 2008, 172p.

¹⁶ Spechler, M. C. (2000). Hunting for the Central Asian Tiger. *Comparative Economic Studies*, XLII(3), 101–102.

(developmental state).¹⁷ По словам Терри Маккинли, «неортодоксальная политика сослужила Узбекистану неплохую службу. Он сумел успешно смягчить тяготы начального этапа переходного периода, восстановить respectable темпы роста к концу 1990-х годов и кардинально перестроить свою экономику так, чтобы самообеспечиваться такими критическими ресурсами как энергия и продовольствие. Эта перестройка позволила избежать худших последствий продовольственного и топливного кризиса середины 1998 года и глобального финансового кризиса и рецессии 2008-09 гг. ...По любым стандартным барометрам экономического поведения, равно как и по сравнению с другими странами с низкими доходами, Узбекистан преуспел за последние два с лишним десятилетия переходного периода, хотя его достижения для многих ортодоксальных экономистов остаются загадкой, портящей настроение».¹⁸

Туркменистан, Казахстан и Азербайджан экспортируют ресурсы, но ведь и Россия и Кувейт с Саудовской Аравией их тоже экспортируют, а экономический рост там намного слабее. Саудовская Аравия с Кувейтом, по крайней мере, умело распределяют нефтяную ренту, а мы даже этим похвастаться не можем. А Узбекистан сегодня идет по пути Японии, Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга и становится вровень с Китаем и Вьетнамом – сильный качественный рост, основанный на экспорте готовых изделий и диверсификации экономики – немногим странам удается такое. Так что, возможно, через 10-20 лет журналисты будут писать статьи о том, как узбекский верблюд догнал восточноазиатских драконов и тигров...

Рабочие доклады программы ПОНАРС Евразия распространяются для получения авторами обратной связи, позволяющей улучшить их аргументацию и понять слабые места на предварительном этапе работы. Автор будет признателен за комментарии, направленные по адресу vporov@nes.ru

¹⁷ Stark, Manuel; Ahrens, Joachim (2012). Economic reform and institutional change in Central Asia: Towards a new model of the developmental state? - PFH Forschungspapier/Research Papers, PFH Private Hochschule Göttingen, No. 2012/05.

¹⁸ McKinley, Terry (2010). The Puzzling Success of Uzbekistan's Heterodox Development. – *Development Viewpoint*. Number 44, January 2010. Centre for Development and Policy Research, School of Oriental and African Studies.h

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
● TO RESEARCH AND
E U R A S I A ● SECURITY IN EURASIA